

Братья ВАЙНЕРЫ

ИСТОРИЯ УЧАСТКОВОГО ПОЗДНЯКОВА

Киноповесть

Полковник милиции Шарапов сидит в своем кабинете за обширным столом. Перед ним, вытянувшись, стоит на почтительном расстоянии участковый старшина Поздняков.

— Значит, сосед, говорите?.. — прищурившись, тянет Шарапов.

— Так точно, товарищ полковник, сосед... Места у нас на трибуне рядышком были. Он мне и билет продал... «Дружок, — говорит, — не пришел...» — Поздняков отвечает медленно, запинаясь, как бы самому себе не веря. — Аккурат в перерыве между таймами принес он две бутылки. «Хлебни, — говорит, — кваску, охлони малость...»

— Ну?

— Ну и сомлел я... На жаре...

— А в себя когда пришел?

— Наутро только... — Поздняков мнетяся. — В вытрезвителе этом самом.

— Дежурному вы сразу же сообщили, что служите в милиции?

— Так точно!.. А как же, товарищ полковник...

Шарапов с сомнением смотрит на Позднякова.

— Подобрали вас в нетрезвом виде в сквере около стадиона. Может быть, вы пистолет и служебное удостоверение по дороге потеряли?

— Никак нет, товарищ полковник! Трезвый я был!

— Ну как же трезвый? Поглядите, что врач пишет: «Сильная стадия опьянения

с потерей ориентации во времени и пространстве».

— Не знаю, чего он там пишет... А только не пил я ничего спиртного!..

Шарапов встал из-за стола и прошелся по кабинету.

— Как же тогда объяснить все это? — спрашивает он наконец.

Поздняков молча пожимает плечами.

— Ведь по-вашему получается, коли спиртного вы не пили... — Поздняков с испугом глядит на полковника, а тот продолжает: — Получается, что вас о т р а в и т ь х о т е л и? Кому же это понадобилось?

— Не знаю, — хрипло отвечает Поздняков. — Я вам, товарищ полковник, все как есть рассказал... Дочерью своей клянусь...

Стадион, переполненный людьми в день ответственного матча. Мяч взлетает над зеленым полем, его бьют головой, он опять взлетает... Нападающий несется к воротам противника... Крики, рев болельщиков...

Поздняков среди зрителей на трибуне. Сосед протягивает ему бутылку. Поздняков тянет квас прямо из горлышка...

Мяч опять взмыл над полем чуть не к самому солнцу. И снова — атака, опять кричат взволнованные болельщики. Кричит сосед Позднякова.

Лицо участкового покрывается капельками пота. Он оттирает лоб платком... И вдруг чаша стадиона начинает покачиваться в его глазах, затем она плавно набирает скорость, переворачивается — и свет меркнет...

Безлюдная аллея недалеко от стадиона. По ней идут трое, вернее, двое ведут третьего, который не в силах даже передвигать ноги. Они посадили его под кустом, но он беспомощно повалился на спину. Двое обнялись и, покачиваясь, побрели прочь. А третий так и остался на траве с раскинутыми в стороны руками.

Поздняков повторяет хрипло:

— Не знаю... Я вам, товарищ полковник, все как есть рассказал... Дочерью своей клянусь...

Раздался щелчок, и лента на диктофоне остановилась. Аппарат стоит на столе у Шарапова.

— Ну-с, — обращается полковник к сидящему против него инспектору Тихонову. — Что ты обо всем этом думаешь?

— С вашего разрешения, товарищ полковник, я бы об этой истории думать не хотел, — вежливо отвечает Тихонов.

— Не понял! — удивляется полковник.

— Владимир Иванович, вы же знаете, я никогда ни от каких дел не отказываюсь. Но там я жулик о в на чистую воду вывожу, и тут мне надо устанавливать, не жулик ли мой коллега. И мне как-то не по себе...

— И отчего же тебе не по себе?

— Как отчего? Да оттого, что всем этим сказкам Позднякова мне совершенно не хочется верить. А хочется думать, что все было куда проще, как и обычно бывает. Поздняков выпил. От жары сомлел. Удостоверение и пистолет потерял. За что его, сами понимаете, полагается под суд...

— Хороший ты человек, Тихонов, — ухмыляется полковник. — Во-первых,

добрый: понимаешь, что со всяким такое может случиться. Во-вторых, щепетильный: не хочешь своими руками товарища под суд отдавать...

— Вас послушать, так это меня надо под суд...

— Не перебивай, — морщится полковник. — Ты уверен, что Поздняков врет. А кабы знать, что Поздняков говорит правду, ты бы занялся этим делом. А?

— Тогда дело другое.

— Вот и займись. Потому что если Поздняков лжет, нам это надо знать. Ибо тогда его пребывание среди нас становится опасным. Но если он говорит правду — это тем более надо знать наверняка: тогда мы имеем дело с исключительно дерзким негодяем, которого следует поскорее выудить на солнышко... Понял?

— Да уж чего тут не понять...

И Тихонов взял со стола картонную папку с делом старшины Позднякова.

— Андрей Филиппович, у вас враги есть?

— Как не быть?! За девять лет, да на одном участке!..

В комнате у Позднякова царят казарменная чистота и порядок. На столе, покрытом клеенкой, на железной решеточке, стоит чайник, два стакана в металлических подстаканниках и сахарница.

— Может, мы с вами наметим круг ваших недоброжелателей? — снова спрашивает Тихонов.

— А как его наметишь, круг этот? Это только у плохого участкового два недоброжелателя — жена да теща! А мне за эти годы с многими, ссориться пришлось: самогонщиков ловил, хулиганов прижучивал и тунеядцев выселял... И воры попадались, и в обысках участвовал. Вот оно и выходит...

— Что выходит? — спрашивает Тихонов.

— Да вот, как-то раньше мне в голову не приходило... Живет сколько-то тысяч хороших людей на моем участке, и никто из них меня знать не знает, сталкиваться нам с ними не приходится. А случилась вот со мной беда, и надо бы слово обо мне доброе сказать, так выходит, что, кроме всякой швали, никто меня и не знает. А от швали мне слова хорошего не дожидаться... Вам покрепче?

Участковый пододвинул Тихонову стакан светлого чая, а в свой собственный он вообще заварки не налил.

— Берите сахар.

— Спасибо, — отказывается Тихонов, — я пью всегда без сахара.

Поздняков ложечкой достал себе кусок и стал потягивать свой кипяток вприкуску.

— Дисциплины люди не любят, оттого и происходят всякие неприятности, — говорит он задумчиво. — А ведь дисциплину исполнять проще, чем разгильдяйничать... Все зло на свете оттого, что с детства не приучены некоторые граждане к обязанностям в поведении — что самому по себе, что на людях.

— Андрей Филиппович, — прерывает его Тихонов, — объясните мне, пожалуйста, почему на стадионе оказался у вас пистолет? Вы же были не на работе и без формы?

— С войны привычка... Я ведь и проживаю на своем участке, так что

дежурство у меня, считай, круглые сутки. В ночь-заполночь, чего бы не стряслось, бегут ко мне: «Давай, Филиппыч, выручай!» А дела, они разные бывают — я вон двух грабителей именно что в неслужебное время задержал...

— Значит, многие знали, что пистолет вы всегда при себе имеете?

— Конечно! — участковый даже удивлен. — Я ведь представитель власти! И все должны знать, что у меня — сила!

— А куда вы пробку дели? — спрашивает Тихонов резко и неожиданно.

Поздняков оторопело смотрит на него:

— Какую пробку?

— Ну, от бутылки, на стадионе? — нетерпеливо поясняет Тихонов.

— А-а... — Поздняков напряженно думает, пшеничные кусты бровей совсем сомкнулись на переносице. — В карман, кажется, засунул... Наверное, в карман, куда еще... — Он быстро подходит к вешалке и снимает с нее пиджак. — Ведь под лавку я не кину ее, пробку-то? Не кину. Значит, в карман...

— Давайте, я помогу, — Тихонов тоже встает.

Они расстелили пиджак на диване и выворачивают карманы. В одном из них — маленькая дырка. Тихонов ищет за подкладкой, на полах пиджака, прощупывая каждый сантиметр между букле и сатином.

И вот наконец следователь извлекает на свет пробку — обыкновенную металлическую крышку, которой закупоривают бутылки с пивом и водой...

Тихонов сидит за письменным столом и ворошит огромную кипу актов, докладных, рапортов, протоколов, а хозяин стола и этого небольшого кабинета — начальник отделения капитан Чигаренков расхаживает по комнате, поблескивая новенькими погонами.

— Да брось ты эту писанину ворошить, — говорит он Тихонову. — И чего ты хочешь отсюда выудить?..

— Трудно сказать, — отвечает Тихонов, делая очередную пометку в своем блокноте. Но в общем-то, хочу знать, с кем приходилось иметь дело Позднякову. Кто может на него больше всех камень за пазухой прятать...

— Ясно, — сдается Чигаренков. — Ищи, бог в помощь.

— Кстати, — Тихонов отрывается от бумаг, — ты ведь непосредственный его начальник. Ты сам-то как объясняешь эту историю?

— Никак! Понятия не имею. — Чигаренков снова принимается шагать по кабинету. — Он, конечно, не ангел, Поздняков, и выпить не возражает, но в меру и, как говорится, вовремя. Сотрудник старательный, дело знает...

— В наше время — почти ангел, — бормочет Тихонов.

— Для ангела он суров слишком! — смеется Чигаренков. — Чувства юмора — ну ни капельки!

— А зачем тебе юмор его? Он ведь не клоуном работает, на другой вроде должности...

— А как же? — удивляется Чигаренков. — Я как руководитель должен это его качество учитывать. А то поговоришь с ним с подковырочкой — и лишишься хорошего сотрудника!

— Значит, сотрудник он хороший?

— Хороший — не то слово. — Чигаренков подходит к окну. — Я на его участок год могу не заглядывать.

Эксперт Халецкий что-то рисует зеленым фломастером. Тихонов заглядывает через его плечо.

На ватмане изображены два пса. Первый из них страшно злой, какой-то взъерошенный и сердитый. Другой пес похож на первого, но морда у него умильная и даже заискивающая.

— Я вам буду очень признателен, если вы оторветесь от своих собак, — произносит Тихонов.

— И совершенно напрасно, — отзывается Халецкий. — Я рисую их для вашего же блага. Ведь вы, сыщики, мыслите категориями конкретными: «украл», «побежал», «был задержан»...

— Мерси, — парирует Тихонов. — Однако без этих категорий вам не на чем было бы строить свои абстракции...

— Ну, ладно уж! — соглашается Халецкий. — Химики дали заключение, что в этой пробке содержатся следы транквилизатора...

— Красиво, но непонятно. Как-вы сказали? Транкви...?

— Транквилизатор. Это успокаивающее лекарство. Я подобное у вас на столе видел.

— У меня? — изумляется Тихонов.

— Да. Андоксин.

— А при чем здесь ваши собаки?'

— При том, — Халецкий наконец отрывается от рисунка, — что если вот такой разъяренной собаке дать пару таблеток андоксина, то она сразу станет ласковой, спокойной, веселой — вот такой... А если дать еще две таблетки, она крепко уснет... А наши химики обнаружили в пробке следы какого-то, ну, просто гигантского транквилизатора, совершенно нам еще не известного. Мы, конечно, попытались его определить, но все это следует хорошенечко проверить.

— Где?

— Поезжай в исследовательский центр фармакологии. Возможно, там тебе скажут, что это такое... — И Халецкий вручает Тихонову заключение экспертизы...

— Разберитесь с ним! — Поздняков рукой махнул. — Шутка ли, десять тысяч проживающих... В старое время не всякий город...

Дома на его участке новые — длинные пятиэтажные «коробки» и высокие «башни». Район, однако, выглядит обжитым — всюду скверы, и деревья уже дотягиваются до третьего этажа.

Тихонов идет рядом с участковым, на ходу листая свой блокнот...

— Вот Буфетов некий на вас жалуется, — говорит Тихонов, входя в кабинет вслед за хозяином. — Это что за фигура?

— Какая он там еще фигура? — с досадой отвечает Поздняков. — Мелкий хулиган... У соседа в почтовом ящике газеты поджег. Оформили его на десять суток...

Стол посреди скверика, за ним четверо жильцов играют в домино.

Буфетов — здоровенный детина в пижамной куртке — очень недоволен тем, что его оторвали от игры.

— Поздняков? — переспрашивает он Тихонова. — Участковый? Лешак он, а не инспектор... Одно слово — лешак! Дикий человек... С ним как в считалочке у мальцов: папа, мама, жаба, цапа! — Буфетов бьет себя в грудь: — Я, может, пошутить хотел, а он цап за шкуру и в «канарейку»!..

— Вы, инспектор, производите впечатление интеллигентного человека, — с легким укором произносит Вячеслав Чебаков. Он обнажен и картинно поигрывает своей изумительной мускулатурой. Разговор их с Тихоновым происходит в изостудии современного Дворца культуры, где стоит множество маленьких мольбертов и на каждом из них — лист бумаги с изображением мощного чебаковского торса в том или ином ракурсе. Сейчас, как видно, перерыв в занятиях кружка, и юные художники — мальчики и девочки — снуют мимо говорящих. — Ну ведь может же так случиться, — продолжает Чебаков, — что у человека призвание, которое не лежит в производственной сфере...

— Позвольте, — говорит Тихонов, — а разве есть такое призвание — позировать?

— Товарищи-граждане-люди, — отвечает Чебаков, — когда же вы наконец поймете, что быть натурщиком — это нелегкая и творческая работа... Вы когда-нибудь задумывались, отчего художественная классика одухотворена, а не сексуальна? Почему Джорджоне или Микеланджело искали натуру годами?..

— Не-а, — качает головой Тихонов, и без всякой связи продолжает: — А в тюрьме вы за что сидели? За фарцовку?

— За спекуляцию. — поправляет Чебаков. — Что поделаешь, инспектор, грехи молодости...

— А посадил вас участковый Поздняков?

— Он, — почти радостно подтверждает натурщик. — Хороший человек, бывший наш участковый, Андрей Филиппович...

— А почему «бывший»? — быстро спрашивает следователь.

— Да... Что-то не видать его давно, — отвечает Чебаков.

— Так, — кивает Тихонов. — Но разрешите еще один вопрос? В бухгалтерии мне сказали, что у вас полставки. Это, значит, 37 рублей в месяц...

— Ага, — подтверждает Чебаков. — И вас, инспектор, интересует, как же можно существовать на такую зарплату? Так вот я поделюсь с вами секретом: бережливость, экономия и еще раз бережливость...

— Эх, Чебаков, Чебаков, — с легкой укоризной говорит Тихонов, — сдается мне, что в работе с вами наши исправительные учреждения не оказались на должной высоте. А?

— Ну это вы напрасно, инспектор! — смеется тот. — Я человек безобидный. Как бабочка махаон. Практической пользы от меня, может, и нет... Но и вреда никакого...

И он погладил по белобрысой головке пробежавшего мимо мальчика...

Зазвенел звонок. Дети с шумом усаживаются за свои мольберты, а Чебаков,

поднявшись на возвышение, принял позу дискобола...

Сидя у стола на коммунальной кухне, плачет Пелагея Федюнина.

— Кашей парши-и-вай... — всхлипывает она. — Мужа-то маво... Петра Федюнина... кормильца... На два года-а-а!..

— И правильно! И мало! — в кухню неожиданно врывается соседка. — Вы ее не слушайте, товарищ, — обращается она к Тихонову, — сам виноват, поделом и мука!.. А на суде-то Поздняков не сказал, что Петька Федюнин на него с ножом бросался... Ее же самое и пожалел — трое ведь у них...

На балконе первого этажа стоит девушка и пускает мыльные пузыри. Маленькая девочка, как видно, ее сестренка, хлопает в ладоши и смеется...

Став под балконом, Тихонов обращается к девушке:

— Ваша соседка жалуется, что участковый Поздняков ее мальчонке руку вывихнул?

— Было, — отвечает девушка. — Было такое дело. Они с приятелем в подъезде женщину раздевать стали. В мальчонке-то два метра росту...

Благостный старичок пенсионер Фимотин подстерег Тихонова на лестничной клетке, заговорил вполголоса, озираясь:

— Извините, пожалуйста, но наслышан я, что вы интересуетесь личностью нашего участкового. Вот, почел долгом своим внести лепту... Разрешите представиться, Фимотин... Значица, так! Достойнейший человек Андрей Филиппович... Мужчина он правда суровый, без всяких там улыбочек, и кое-кому это не нравится... Но меня лично не это беспокоит...

— Да-а?

— Пьет он...

Тихонов ошарашен, но следующий вопрос задает как можно небрежнее:

— Так и монахи пьют... Важно, как, где и с кем?..

— Вот именно, как и где, — соглашается Фимотин. — Кабы он дома да в выходной — на здоровье и пожалуйста... Только вот как раз дома обстановка у него самая неподходящая. Не для выпивки неподходящая, а вообще...

— Что значит «вообще»?

— С женой у них нелады, — доверительно говорит Фимотин, — не мое это, конечно, собачье дело, извините за выражение, но... но...

— Это очень важно, все что вы говорите...

— Так ведь потому и сообщаю... Не ровен час, наберется наш Андрей Филиппович, заснет где... А в кобуре-то оружие...

— Жена у меня хороший человек, — говорит Поздняков, — женщина самостоятельная, строгая...

Они с Тихоновым снова идут по участку.

— Так отчего же у вас семейная жизнь не ладится? — осторожно спрашивает Тихонов.

— Да нет у нас никакой семьи. Давным-давно живем как соседи... как чужие...

— А что случилось?

— Да ничего! — в голосе Позднякова привычная горечь. — Стесняется она меня, наверно... Ведь она теперь кто — научный сотрудник, а муж — простой милиционер... Когда познакомились мы с ней, работала аппаратчицей на химзаводе... Уставала ужасно, а все равно ходила в вечернюю школу. За партой, случалось, засыпала, но школу окончила и поступила в институт. Работала и училась все время... И вдруг стало ясно: она человек, а я так... Только какое это имеет отношение?... Я ведь и сам кое в чем кумекаю — не первый год в милиции...

— Я не сомневаюсь в вашем опыте, — говорит Тихонов, — но ни один врач сам себя лечить не может...

— Это верно, — Поздняков качает головой. — Особенно если врачу тому веры нет: действительно больно ему или он прикидывается?..

— Давайте договоримся, Андрей Филиппович, — предлагает Тихонов, — не возвращаться больше к вопросу о доверии. Вы ведь не барышня в парке, чтобы я вам каждые десять минут повторял насчет своей любви и дружбы. Скажу, не лукавя: история с вами произошла просто фантастическая. Я понял, что я ошибся. Но это надо теперь доказать начальству, а для этого факты нужны, факты...

Тихонов в лаборатории профессора Лыжина. В лаборатории длинные столы, вытяжные шкафы, грандиозные приборы, десятки колб, пробирок, ламп, датчиков... За приборами работают люди в белых халатах.

— Вот здесь мы и колдуем... — говорит Лыжин, и, указывая на сложную систему, состоящую из крупных трехгорлых колб, нагревателя, охладителя, змеевиков и массы других вещей непонятного назначения, поясняет: — Это так называемая реакция Гриньяра. Но главная наша надежда там... — И он махнул рукой в сторону установки у окна.

Около установки сидит красивая женщина. Она что-то пишет мелом на небольшой коричневой доске. А у системы, где идет реакция Гриньяра, спорят двое, и до Тихонова доносится:

— Да вы у Поздняковой спросите!..

К красивой женщине у окна подходит сотрудница:

— Анна Петровна, сначала через молекулярные сита пропускать или?..

Тихонов с удивлением смотрит на женщину, пока до него не доходит, что, по всей вероятности, она и есть жена инспектора Позднякова.

— Так чем же могу быть полезен? — прерывает его размышления Лыжин.

Тихонов молча протягивает ему заключение экспертизы. Лыжин углубляется в записи. Лицо его постепенно принимает выражение недоумения и тревоги.

— А у вас что, есть такое вещество?! — говорит, он взволнованно.

— У меня нет, — отвечает сидящий перед ним Тихонов.

Лыжин с видимым облегчением произносит:

— Ваши эксперты ошиблись. Это артефакт. Искусственный факт, научная ошибка...

— Вы хотите сказать, — спрашивает Тихонов, — что науке неизвестно это вещество?

— Почему же? Уже известно. Но в общем-то, пока что о нем правильное

говорить в будущем времени. Это будет лекарство против депрессии, неврозов, шизофрении, наконец! Его так ждут, что даже название заранее придумали — метапропизол... И всех нас оно волнует. Вот и вашим экспертам, должно быть, померещилось... Кстати, если не секрет, почему вы этим интересуетесь?

— Дело в том, что им был отравлен человек.

— А на каком основании ваши эксперты пришли к этому заключению? Труп исследовали? — не верит Лыжин.

— Нет, до этого не дошло, слава богу. Человек-то выжил...

— Так что же они исследовали, черт возьми?!

— Пробку, — поясняет Тихонов. — Пробку от бутылки с хлебным квасом. В нем преступники растворили препарат...

— Пробку? Артефакт. Ошибка... Быть этого не может!.. А преступник задержан?

— Мы как раз с этим разбираемся, — отвечает Тихонов уклончиво.

— А кого отравили?

— Работника милиции...

— Милиции? — с еще большим удивлением переспрашивает Лыжин. И вдруг решительно возвращает заключение Тихонову: — Не верю. Бумажке этой не верю. Экспертам вашим не верю. Привезите мне эту пробку. Я сам ее исследую! — категорически требует он.

— Ты сегодня сводку читал? — спрашивает Шарапов.

— Читал, — отвечает ему Тихонов, садясь к приставному столику.

— У гражданки Пачкалиной два афериста произвели дома самочинный обыск. Изъяли все ценности и деньги...

— А какое это имеет... — начал было Тихонов.

— Имеет, имеет, — полковник кивнул. — Они предъявили наше удостоверение, и было там написано: «Старшина милиции Поздняков...»

— Значит... — задумчиво начал Тихонов.

Продолжил Шарапов:

— Это значит, что вопросов у нас с тобой не убавляется, а, наоборот, только прибавляется. Мы еще до конца не разобрались со всей этой историей с отравлением, а уже получили вводную с удостоверением.

— Притом удостоверение уже задействовано!.. — заметил Тихонов.

— Я бы хотел, — отозвался полковник, — получить гарантию, что они не пустят в ход и другой похищенный предмет...

— Пока что я вам этого не гарантирую, — говорит Тихонов.

— Жаль. Однако что же мы в результате всего этого имеем? — рассуждает Шарапов. — А имеем мы человека, у которого в руках неизвестное и мощное лекарство, который хорошо знает при этом, что Поздняков носил под штатским пиджаком пистолет, а у гражданки Пачкалиной Екатерины Федоровны хранятся дома немалые ценности...

— А может, это не один человек? — спрашивает Тихонов.

— Может, — задумчиво соглашается Шарапов. — Вот я и говорю, что вопросов у нас прибавляется.

— В таком случае разрешите мне немедленно выехать к пострадавшей? — встает из-за стола Тихонов.

— Поезжай...

— Это вы ко мне... Значит, ко мне... Заходите, гостем будете... — говорит Пачкалина, открывая Тихонову дверь своей квартиры.

На вид потерпевшей лет тридцать, одета она довольно крикливо, у нее пергидрольные волосы и густо намазанное круглое лицо.

Посреди комнаты, куда она вводит Тихонова, пиршественный стол: сардины, салат, копченая колбаса, селедка, искромсанная курица, пластмассовый бидон с пивом и несколько бутылок. Пир этот предназначается мордастому парню с широченными, затынутыми в териленовый пиджак плечами.

— Здорово, — недовольно произносит он с места. — Хена меня зовут. Ты че?..

Тихонов рассматривает его с интересом.

— Ну ты че? — продолжает Гена. Он, как видно, давно и мучительно пьян. — Ты че? Вишь, друг, площадка занята... Плацкарту тебе показать? Давай чеши отсюда... Это моя женщина. Грабки ты к ней не суй... Ну! Если ты ко мне как человек, то и я с тобой... выпью... Катька, наливай...

Тихонов, рассмеявшись, садится за стол.

— Я с тобой, Гена, пить не стану. Я инспектор уголовного розыска и пришел сюда по делу. Поэтому ты посиди десять минут тихо, чтобы мне не пришлось тебя отсюда выпроводить вообще.

Пачкалина подходит к своему Гене, поднимает его со стула и выталкивает за плюшевую занавеску.

— Сиди!.. — говорит она строго. — Тебе говорят, сиди, не долдонь! Дай с человеком поговорить... С человеком, значит...

Из-за толстого плюша доносится голос «Хены»:

— Ты че? А?! Если ты как человек, то и я могу с тобой выпить...

Пачкалина возвращается и, присев к столу, приветливо предлагает:

— А может, гражданин Тихонов, покушаете чего? И выпить имеется. Вы же после работы — можно и разговеться...

— Нет, благодарю, — нерешительно говорит Тихонов. Он освобождает место на столе и раскладывает папку с протоколами допроса. — Надо нам с вами кое-что уточнить. Вы одна живете?

— Ага. Женщина я одинокая... Одинокая, значит... — осторожно говорит Пачкалина. — Приходят ко мне, конечно, иногда мужчины молодые... Молодые, как говорится...

— Это вы все уже сообщили в отделении милиции, — прерывает ее Тихонов, листая протокол. — Давайте лучше еще раз вспомним, что именно у вас забрали преступники?

— Пришли они, значит, — опять начинает потерпевшая. — Из ОБХСС, говорят, конечно... Ценности изнимать будем... Значит, ценности... Шубу забрали каракулевою, как говорится... Новую совсем, считай, ненадеванную, значит... Два кольца, конечно, моих, два... Одно с бриллиантиком, значит, другое, считай, с камешком, с зелененьким...

— Зеленый камень — самоцвет?

— Как же, самоцвет! — вскидывается Пачкалина. — Изумруд!

— Понятно, кольцо с изумрудом. А бриллиантик какой?

— Обыкновенный, значит, бриллиантик... Конечно, два карата в нем есть...

— Ага... — улыбается Тихонов. — Деньги у вас тоже взяли?

— Сберегательных книжек, значит, предъявительских на четыре с половиной тысячи... Как говорится, три штуки...

— В каких сберкассах?

— Да не помню я, — отвечает Пачкалина. — Не помню, значит, в какую кассу клала...

— То есть как это не помните? — изумляется Тихонов. — Не помните сберкассу, в которой храните четыре с половиной тысячи?

— Говорю, не помню, значит... Там на книжке, конечно, написано было... Откуда знать, что ОБХСС этот... то есть аферисты, значит, придут... — И она пускает слезу.

— Успокойтесь, Екатерина Федоровна, — говорит Тихонов. — Тут слезами делу не поможешь... Вы кем работаете?

— Оператор я, — Пачкалина понемногу успокаивается. — В котельной, значит, в газовой...

— Так... Попросту говоря, кочегаром. Тогда объясните мне вот что... Приходят к вам якобы из милиции, производят обыск и изымают тысяч на десять ценностей. И вы — рабочий человек, честная труженица, — не говоря худого слова, все это отдаете им?..

— А что, драться мне с ними, что ли?

— Драться ни с кем не стоит, — миролюбиво говорит Тихонов. — Я к тому веду, что жулики эти и мысли не допускали, что вы живете на зарплату кочегара...

— А вы моих денег не считайте! Я по закону живу, не нарушаю!

— Вы бы вот с жуликами таким макаром разговаривали, — говорит Тихонов. — Тем более что мне удалось узнать, чьи это были деньги на книжках. А это уже немало...

— Как это, значит, понимать «чьи»?! — забулькала Пачкалина. — Мои, как говорится, мои!..

— Нет, — Тихонов покачал головой. — Это не ваши деньги, это деньги Николая Сергеевича...

— Это что же вы такое говорите, значит?.. Не знаю я никакого Николая Сергеевича, — медленно тянет Пачкалина, и на лице ее смятение.

— Ну как же не знаете? — перебивает Тихонов. — Дружок ваш старый, мужчина положительный, богатый, который ходил к вам, ходил, а потом пропал... Мне все это ваши соседи только что рассказали...

— Соседи расскажут, чего, как говорится, не было...

— Было, чего там «не было»! Так вот: вносил Николай Сергеевич свои деньги на предъявительские вклады и вам книжки отдавал. Поэтому вы и не знаете, в какие сберкассы... Так?

— Не знаю я, как говорится, ничего такого...

— Очень даже хорошо знаете. Вы мне лучше подробнее о нем расскажите.

Ведь он сидит сейчас? А?

— Вона! — оторопело восклицает Пачкалина. — Да чтой-то такое вы говорите-то?..

— Послушайте, — произносит Тихонов, — мне это надоело. Я ведь могу и так его найти...

— Это как же? — оживляется Пачкалина.

— Очень просто. Дам запрос по всем местам заключения: какой Николай Сергеевич с такими-то приметамы содержался в течение последних двух лет. Потом покажу фотографии вашим соседям, и все... Но у меня и так дел выше головы... Впрочем, если вы не хотите мне помочь, то... — Тихонов поднимается и убирает бумаги в папку.

— Погодите, — решается Пачкалина. — А Николай Сергеевичу, как говорится, от этого вреда не будет?

— А какой ему может быть вред, когда он осужден, ну?

— Ладно, значит, скажу... — начинает со вздохом Пачкалина. — Обоймов его фамилия. Николай Сергеич, точно... С 23-го года... Семья, как говорится, у него... Да... Но он с женой жить не хотел... Больная она... как говорится... Жениться на мне обещал... — И Пачкалина вдруг начинает плакать, искренне, горько, по-настоящему.

Из соседней комнатки раздаётся залиvistый храп — «Хена» так и не дождался конца разговора.

— Анна Петровна, мне кажется, вы не улавливаете, о чем я вас спрашиваю. — Тихонов беседует с Поздняковой в лаборатории.

— Я боюсь, что это вы не улавливаете, — сдержанно говорит Анна Петровна. — Я повторяю: ничего дурного об Андрее Филипповиче я вам сказать не могу...

— Ладно, — говорит Тихонов. — Но почему же вы с ним не разводитесь, раз семья фактически распалась?

— Это вас ни в коей мере не касается! — сухо отвечает Позднякова. — Я ни у кого советов не спрашивала а спрашивать не собираюсь...

— Да, конечно! — резко говорит Тихонов и садится напротив Поздняковой.

В этот момент между ними на короткое время возникает удивительная телепатическая способность общаться без слов, потому что думают они об одном и том же.

«Ты несчастлива?» — как будто издали звучит голос Тихонова. «Я уже привыкла...» — отвечает голос Поздняковой. «Разве он плохой человек?» — «Он хороший человек, добрый и честный». — «Но ты не любишь его...» — «И никогда не любила...» — «Из-за того, что он некрасив?..» — «Из-за того, что он такой, какой он есть...» — «И всегда так было?» — «Всегда. Но я вышла за него в семнадцать лет и не знала, что бывают другие и по-другому...» — «Ты любишь кого-то другого?» — «Не знаю...» — «Он хороший?» — «Не знаю. Но с ним мне интересно. С ним я чувствую себя женщиной».

Отзвучал этот безмолвный диалог, и больше ни о чем Тихонов спрашивать Позднякову не может. Он смотрит в ее неподвижное, померкшее лицо, и она

говорит еле слышно:

— Не ищите в нашей жизни никаких демонических страстей. Все просто и грустно... В некоторых веществах от времени накапливаются катализаторы, они начинают очень незаметную реакцию разложения... И она идет тихо, спокойно, пока однажды не происходит... взрыв.

— Жаль, что вы так скупы обо всем рассказываете. Вы очень могли бы помочь нам, — говорит Тихонов, вставая. — И чувствует мое сердце, нам придется встретиться еще раз.

Беда, войдя в человеческий дом, делает похожими все жилища — богатые и бедные, красивые и безвкусные. Распахнуты двери шкафов, на кровати, на стульях, на полу — всюду какие-то бумажки, выдвинутые из своих мест ящики, разворошенное белье, книги...

Тихонов сидит среди этого разорения и допрашивает очередную потерпевшую. Два ее сынишки — один десяти, другой пяти лет — от испуга забились в угол. А сама хозяйка держится хорошо.

— Нет, нет! — говорит она с достоинством. — Кроме этих ста двадцати рублей и моего золотого кольца, они ничего не взяли... А что еще у меня взять?..

И только руки ее, красивые и ухоженные, то сжимаются в кулаки, то быстро разжимаются.

Тихонов открывает блокнот и пишет:

«Рамазанов Г. П., коммерческий директор «Рыболова-спортсмена».

Потом отрывает листок, подзывает к себе молодого участкового, протягивает ему бумажку и шепчет:

— Позвони в ОБХСС, номер 94—16, капитану Севостьянову. Спроси, так ли зовут его клиента, который подался в бега.

— Слушаюсь! — участковый выходит.

— А как они вам объяснили причину обыска? — возвращается Тихонов к потерпевшей.

— Ничего они не объяснили. Просто сказали, что есть санкция прокурора на обыск. И показали бумагу с печатью.

— Но ведь в бумаге должно быть написано, зачем и на каком основании производится обыск, — говорит Тихонов.

Потерпевшая пожимает плечами.

— Я очень испугалась. У меня все перед глазами прыгало, я ничего не понимала...

— Понятно. Скажите, а давно вы расстались с мужем? — неожиданно спрашивает Тихонов.

— Года полтора назад.

— Извините за любопытство, почему?

— Пожалуйста, я вас извиняю, но это к делу не имеет никакого отношения.

— Может быть, — соглашается Тихонов. — А может быть, имеет. И уж поверьте, я вам эти вопросы задаю не для того, чтобы вечером с соседями обсудить подробности вашей семейной жизни. Так почему вы расстались с вашим мужем? Когда? При каких обстоятельствах? Кто был инициатором разрыва?

Потерпевшая смотрит в сторону, говорит глухо:

— Года полтора назад... Мой муж, видимо, нашел другую женщину — приходил поздно, иногда не ночевал, пьянствовал. Начались скандалы, и однажды он совсем ушел. Где он сейчас живет, я не знаю.

— Так! — кивает Тихонов. — Не знаете? Так и запишем... Не знаете... И в последние полтора года вы с ним не виделись?

— Нет, не виделась.

— Хорошо. А в этой квартире вы давно живете?

— Около года.

— Очень хорошо! — Тихонов поднимается и ходит по комнате. Потом вдруг нагибается и вытаскивает из-под дивана два новеньких игрушечных автомобиля — красиво раскрашенные немецкие пожарные машины... — Чьи же это такие шикарные? — спрашивает Тихонов у мальчиков.

— Моя, — басом отвечает маленький.

А старший ничего не ответил, только исподлобья взглянул на Тихонова и локтем толкнул братишку.

— И кто же тебе подарил эту машину? — спрашивает Тихонов у маленького.

Тот подбегает, берет свою машину и с гордостью объявляет:

— Папа подарил!..

Потерпевшая обоими кулаками стукнула по столу и закричала, захлебываясь слезами:

— Как вы!.. Как вы смеете?! Как вы смеете допрашивать детей?! Кто вам беззаконничать разрешил?!

В этот момент в комнате опять появился участковый:

— Все точно так. Это он, товарищ капитан...

Тихонов возвращается на свое место:

— Раиса Александровна, вы, оказывается, возвели напраслину на своего супруга. Никаких женщин он себе не заводил, а был и остается любящим мужем и отцом. Эта добродетель, увы, не может оправдать его главного порока — склонности к денежкам казенным. В связи с чем он и скрывается от суда и следствия. Значит, вы его видите время от времени?

— Не вижу, не знаю, ничего вам не скажу! — кричит Рамазанова яростно. — А допрашивать ребенка гадко! Подло! Низко!..

— Перестаньте, пожалуйста, Раиса Александровна, — тихо говорит Тихонов. — Закон, к вашему сведению, позволяет допрашивать и детей. Лучше подумайте, что вы сами с ними делаете! С малолетства приучаете ко лжи, к двойной жизни... К страху перед милицией...

— Здравия желаю, товарищ полковник! — сказал Тихонов от двери.

— Здравствуй, здравствуй! — недобрым голосом отвечает Шарапов. — Как живешь? Что подделываешь? В науке погряз? Фармакологию изучаешь?!

— А что случилось? — Тихонов подходит к столу.

— Это мне бы у тебя надо спрашивать, — продолжает полковник, — но ты как-то так ловко устроился, что я у тебя в докладчиках... Пока ты тут занимаешься научными проблемами, жулики еще один «разгон» учинили. Доколе это будет

продолжаться? Отвечай!

— Ну что же я вам сейчас могу ответить, Владимир Иванович? — оправдывается Тихонов. — Подождите немного! Разберусь — отвечу... А где потерпевший?

— Скоро здесь будет, займешься... Так что идеи у тебя есть хотя бы?

— Есть кое-что...

— Ну, поделись, если не секрет.

— Мне кажется, я разгадал механику «разгонов». Во всяком случае, двух первых. В них уже есть намек на какую-то систему.

— И что за система? — спрашивает полковник.

— Беглец этот, Рамазанов, и дружок Пачкалиной, Николай Сергеевич, — оба проходили по уголовному делу комбината «Рыболов-спортсмен».

— Ну-у! Это очень широкий круг, — сомневается полковник.

— Конечно. Но мне важно понять принцип, по которому отбираются будущие жертвы.

— Это даже не полдела. Нам надо понять, кто отбирает, а не как отбирают...

— Вот и я хочу попробовать стать на их место и рассчитать следующую жертву, там мы приготовим сеть на самого ловца... Хотя по всему видно, что деятели эти, о-ох, неглупые!

— А что такое? — говорит потерпевший. — Если за мной приходит старшина милиции, хотя и переодетый в штатское, и просит меня проехать с ним, так, по-вашему, я должен ему сопротивляться?

Свое «А что такое?» он произносит по-одесски: «А-шо-такоэ?»

— А-шо-такоэ? Книжечку он мне красную сунул — идите, мол, сюда, есть о чем пошептаться... Мне бояться милицию нечего, я значок «Отличник торговли» имею. И за двенадцать лет, что я подошел к этому делу, бог от несчастья вывел. Зашли мы с ним в кабинету... Он говорит: «Вы — Понтяга? Семен Иванович?» — «Ну, я — Понтяга...» А он мне: «Запирайте кабинету и поехали...»

— Вы хорошо рассмотрели предъявленное им удостоверение? — спрашивает Тихонов.

— А-шо-такоэ? Там ведь было написано: «Старшина милиции...»

— А фамилию не помните?

— Я вам честно скажу, — отвечает Понтяга, — таки не помню! Потому что когда к торгующему человеку в магазин приходят из органов, даже если он такой честный, как я, то как-то невольно начинает жбурить в животе. Казалось бы, ну, пришел к тебе человек по делу! А все же как-то неприятно...

— Вы сами попросили у него разрешения позвонить к себе домой или он вам предложил? — спрашивает Тихонов.

— Он предложил... — сказал Понтяга и, помолчав, добавил: — В том смысле, что я сам попросил.

— Нельзя ли поточнее?

— Я спросил его: «А-шо-такоэ? Что там стряслось?» Так он мне сказал, что для моих нервов будет лучше, если я все на месте узнаю. Тогда я захотел узнать,

когда меня отпускают, чтобы дома не волновались. У моей жены плохое здоровье, всякие там нервы-шмервы, сердце-шмерце...

— Ну и что он сказал, когда вас отпускают?

— Он засмеялся и сказал, что, наверное, лет через семь отпускают...

— Шутник он, — говорит Тихонов недобрый голосом. — Ничего, скоро дошутится...

— А-шо-такоэ? Вы его поймаете? — спрашивает Понтяга, и вдруг лицо его кривится в мучительную гримасу боли, стыда и ненависти, и он добавляет едва слышно: — Так дай бог, чтоб он то чувствовал, когда вы его возьмете, что мне пришлось передумать, пока мы ехали до этого места...

Тихонов встает из-за стола и отходит к окну, чтобы дать потерпевшему справиться с волнением.

— У вас здесь можно курить? — спрашивает наконец Понтяга. — Вам дым не влияет?

— Да, пожалуйста, сколько угодно.

Тихонов возвращается к своему столу.

Понтяга достает сигареты и спички, но они ломаются одна за другой в его трясущихся пальцах.

— Мы остановились на вашем звонке домой, — напоминает Тихонов.

— Так я стал просить, чтобы он разрешил... Он сначала не соглашался, но я его просил, просил, ой как я просил этого бандита... Дай бог, чтобы его скорее вынесли на простынях!.. И он мне таки сказал потом: «Можете позвонить, но ничего не говорите, что вас задержали... Когда понадобится, жене сообщат». И я позвонил.

— И что же вы сказали супруге?

— Что я сказал? Я сказал: «Женя, несчастье! Не спрашивай, такое недоразумение! В общем, ОБХСС...» Тут он ударил на рычаг, и все.

— Так, понятно, — кивает Тихонов. — Что дальше было?

— Он посадил меня в машину, и мы поехали.

— Номер не запомнили?

— Номер — нет... Потом, когда мы вышли из машины, он сказал шоферу: «Не уезжай, я сейчас буду». Он привел меня в горотдел, посадил в коридоре и сказал, что меня скоро вызовут к капитану Севостьянову. И ушел. А я сидел. Я сидел четыре часа, пока один офицер — дай бог ему здоровья! — не спросил, чего я жду...

— Так, так! — говорит Тихонов. — А в это, самое время два афериста пришли к вашей жене, произвели обыск и изъяли ценностей и денег на пять тысяч рублей...

— Пропади пропадом эти деньги! — устало говорит Понтяга. — Мне сидение там дороже стоило...

— Вот повезло этому мифическому Севостьянову, — говорит Тихонов. — Фамилию запомнили, хотя и в глаза его не видели. А мошенник даже удостоверение показал, а вы его забыли...

— Так Севостьянов же мне фамилия хорошо знакомая! — оживляется Понтяга. — Меня в ОБХСС один с такой фамильницей как-то уже допрашивал.

— А по какому поводу?

— Этот Севостьянов вел дело промкомбината общества «Рыболов-спортсмен»...

— А вы какое отношение имели к этому делу? — насторожился Тихонов.

— А-шо-такое? Мой магазин торговал их продукцией.

— И у следствия были к вам претензии?

— Боже упаси! — Понтяга отпрянул. — Документальная ревизия и два допроса — много волнений и никаких претензий. Я себе не враг — брат «левак» у этих «рыболовов», которые под конец уже зарвались, как налетчики с Молдаванки...

— Скажите, — спрашивает Тихонов, — а какая у вас зарплата?

— Вы хотите знать, откуда у меня есть на пять тысяч ценностей? — начинает Понтяга, но тут же поправляется: — Откуда у меня б ы л о на пять тысяч... Сто тридцать рублей у меня зарплата и еще прогрессивка. Но у меня два сына, дочь, две снохи, зять — и все работают, и на кусок хлеба с маслом имеют...

— Семен Иванович, напишите мне, пожалуйста, подробно, как все это происходило. — Тихонов передает потерпевшему бумагу.

Понтяга, вздохнув, берется за перо. Тихонов набирает номер телефона — ответа очень долго нет. Наконец на том конце берут трубку.

— Простите, — говорит Тихонов, — нельзя попросить Владимира Константиновича Лыжина?

— Нету его! — решительно отвечает женский голос.

— А когда его можно застать?

— Позвоните ему на работу. Сейчас позвоните...

— Спасибо...

А Семен Иванович Понтяга тем временем заполняет своими показаниями второй лист. При этом потерпевший вздыхает, шмыгает носом и даже иногда приговаривает про себя: «А-шо-такое?.. Таки я не мог этого знать...»

Полковник Шарапов читает какую-то бумагу. Вот он кончил, сделал в левом верхнем углу косую размашистую роспись и сунул бумагу в коричневую панку с тисненой надписью: «На исполнение».

— Ну-с, я вас слушаю, — медленно говорит Шарапов сидящим перед ним Тихонову и Позднякову.

— Товарищ полковник, — начинает Тихонов, — материалами служебного расследования исчерпывающе доказывается, что инспектор Поздняков был отравлен неизвестным преступником с помощью сильного лекарственного препарата. В связи с этим прошу дальнейшее расследование прекратить и разрешить Позднякову приступить к исполнению обязанностей.

Полковник поднимается из-за стола, огибает его и, подойдя к окну, смотрит на улицу... И вдруг резко поворачивается к Тихонову:

— Все?

— Все...

— Отказываю! — Он возвращается на свое место, говорит значительно: — При расследовании любого криминального эпизода органы суда и следствия

всегда интересуются судьбою похищенного... — Помолчав, будто невзначай, как о каком-то пустячке, спрашивает: — Чего там у тебя похитили, Андрей Филиппович?

— Пистолет «Макаров» и служебное удостоверение.

— А денег не взяли? — спрашивает Шарапов с таким видом, будто впервые вообще услышал об этой истории.

— Никак нет! Денег не взяли...

— Много было денег с собой?

— Рубля два, — говорит Поздняков, отирая со лба пот.

— Ну, слава богу! — вздыхает с облегчением полковник. — Хоть деньги в целости остались... А вот что с пистолетом и удостоверением делать, прямо ума не приложу. У тебя, Тихонов, на этот счет никаких умных соображений не имеется?..

Тихонову остается промолчать, так как вопрос явно риторический.

— А то давай, — продолжает полковник, — расследование в отношении Позднякова прекратим, выпишу я сейчас ему записочки в оружейный склад и в управление кадров, и зашагает он отсюда гоголем, как настоящий инспектор, с пистолетом и удостоверением, а не как мокрая безоружная курица!..

— Я... я... я... никогда!.. — начинает прорываться из Позднякова, и мука невероятная написана на его лице.

Полковник стремительно приближается к инспектору:

— Давай-давай, Поздняков, скажи, что ты думаешь по этому поводу! А то молчишь! Мне ведь и неизвестно, может быть, ты считаешь, что я не прав, чиню тут над тобой, несчастным, суд и расправу, когда ты мне и слова сказать не можешь!..

— А-а-а! — с хрипом выдохнул Поздняков и обреченно махнул рукой.

Полковник возвращается за свой стол:

— На фронте войсковая часть за утерю Знамени и оружия подвергалась расформированию. Твое удостоверение, Поздняков, — это частица Красного знамени милиции, это знамя отдельной боевой единицы, название которой — сотрудник советской милиции. Властью рабочих и крестьян тебе дано это маленькое знамя и вместе с ним права, ни с чем не сравнимые. Ни с чем! Понял? И сейчас эти права преступники используют против тех, кого ты защищать должен! Под твоим знаменем и с твоим оружием в руках! И уж, прости меня великодушно, запасных знамен у меня нет и лишнего оружия не валяется...

— Что же мне делать-то теперь? — беспомощно спрашивает Поздняков.

— Преступников поймать! В бою вернуть свою честь и оружие! — Шарапов подходит к сейфу, вынимает из кармана кожаный мешочек с ключами, находит нужный, вставляет в прорезь... — Вот Тихонов берет тебя на поруки, так сказать, на свою ответственность... Ты подумай, чем он рискует... — Замок звякнул, отворилась полуметровой толщины дверь, и Шарапов достает с нижней полки какой-то сверток, кладет его на стол, запирает шкаф снова. — Только как же нам быть с оружием, если Тихонов тебя подключит к операции?

Поздняков глотнул слюну и сипло сказал:

— Да только бы нам выйти на них с товарищем капитаном Тихоновым... Я их голыми руками пополам разорву... — И руки его сцепились такой мертвой

хваткой, что было ясно — действительно разорвет пополам...

— Вот это ты мне удружил, Поздняков! — усмехнулся Шарапов. — Мне ко всем делам не хватает только, чтобы преступники застрелили безоружного милиционера из его же служебного оружия. Успокоил! — Он разворачивает сверток — и внутри него оказывается выдавшая виды кобура револьвера типа наган, давно уже снятого с вооружения. — Безоружным пустить тебя против заведомо вооруженных преступников я не могу, — говорит Шарапов. — А выдать тебе новый табельный пистолет не имею права. Да и, честно говоря, не хочу... — Говоря это, он точными, уверенными движениями расстегнул кобуру, вынул револьвер, когда-то черный, а теперь уже пообтершийся до стального блеска, покрутил барабан, пересчитал патроны. Потом вложил оружие обратно в кобуру, вышел из-за стола, подошел к Позднякову и протянул ее: — На, это — мой собственный. Два года мне на фронте отслужил, да и после, здесь уже, ни разу не подвел. Вернешь мне его, когда свой с честью отберешь... Свободны.

Поздняков прижимает кобуру к груди, у него появляется желание что-то сказать, объяснить, поблагодарить... Он несколько раз глубоко вздыхает, словно собирается нырнуть или сказать что-то никем не слыханное, но удается ему лишь выдать из себя отчаянное:

— Э-эх! — И он решительно взмахивает рукой.

Тихонов за своим столом, Поздняков за приставным — пьют чай. По лицу участкового бродит блаженная улыбка.

— Эх, увидеть бы мне его только!.. — мечтательно говорит он.

Раздается телефонный звонок. Слышен мужской голос:

— Мне нужен инспектор Тихонов.

— Я у телефона.

— Ваш номер мне дала жена...

— Я вас слушаю.

— Моя фамилия Рамазанов...

— Здравствуйте... Григорий Петрович... — подавив изумление, говорит Тихонов.

— Я хочу сдать, — говорит Рамазанов. — Но я хочу сдать именно вам...

— Откуда вы звоните?

— Я уже здесь, внизу.

— Сейчас спускаюсь к вам! — И Тихонов выбегает из кабинета.

Войдя в кабинет, Рамазанов, худой, черный, невысокого роста, бросает взгляд на Позднякова и снимает плащ.

— Садитесь! — Тихонов указывает ему на стул у стола.

— Спасибо, — Рамазанов невесело усмехается. — Я уже и так, считайте, сию...

— Слушаю вас, Григорий Петрович...

— Насколько я понимаю, вы неплохо информированы о моем... деле... — медленно, с расстановкой начинает Рамазанов. — Я, как мог, старался оттянуть... сегодняшнее утро. И пришел я, чтобы отомстить... этим червям могильным, этим гадам!.. — Он уже не сдерживается, потрясает сжатыми кулаками, лицо его

искажено ненавистью. — У них ни совести, ни закона — у сирот вырвать кусок из горла они способны, вдову ограбить!..

— Успокойтесь, Григорий Петрович, — говорит ему Тихонов. — Давайте по порядку...

— Давайте, — устало соглашается Рамазанов. — Я готов нести ответственность за свое преступление. Жаль только, что сам украл из своей жизни два года лишних, пока скрывался от закона... Глупость это была с самого начала...

— Где же это вы два года отсиживались? — спрашивает от окна изумленный Поздняков.

— Сначала в Калуге жил у друга, — повернувшись к нему, отвечает Рамазанов. — А потом в Лыткине — на даче у родственницы.

— И за такой срок к вам ни разу участковый не приходил? — снова спрашивает Поздняков.

— Приходил. Но дача большая, я на втором этаже находился. Без острой необходимости из дома не выходил, и то всегда в темноте, жил тихо, внимания не привлекал...

— Все равно непорядок! — Поздняков качает головой. — Участковый должен быть на своем участке не только засветло, он, как кот, в ночи все должен насквозь видеть...

Тихонов знаком просит его помолчать.

— Меня без участкового разыскали бандиты, — продолжает Рамазанов. — Поэтому я к вам пришел. Это они, сволочи, сделали в моем доме обыск!.. А потом и на даче меня нашли.

— Когда? — одновременно спрашивают и Тихонов, и Поздняков.

— Вчера вечером. Вот они-то не поленились подняться на второй этаж... — Он замолкает, закрывает глаза ладонью. Потом продолжает: — Шакалы!.. Они потребовали пять тысяч, а иначе грозились сдать меня милиции... Бандиты, за мой страх они хотели получить с меня еще одну плату!.. Только они не знали, что я и так уже запуган до смерти, дальше запугать меня невозможно... Они не знали, что, когда детей не видишь и жена крадется к тебе по ночам, как воровка, от этого страх жрет тебя пудами! И пропади она пропадом, такая воля, если она в тысячу раз хуже тюрьмы!..

— И что же вы им ответили? — нетерпеливо перебивает Тихонов.

— Я сказал, что деньги отдам сегодня — я же не ношу их с собою... И я твердо решил прийти к вам не с пустыми руками, а притащить их за шиворот, этих бешеных собак, чтобы они по крайней мере сидели рядом со мной, в соседней камере. Мне тогда тюрьма не покажется такой горькой...

— Где вы договорились передать им деньги?

— В кафе «Белые ночи».

— Когда, в котором часу?

— В два, — отвечает Рамазанов. — Через час, значит.

Поздняков вскакивает с места, всем своим видом являя нетерпеливую готовность задержать преступников. Но Тихонов медлит, качает головой:

— Боюсь, что вы, Григорий Петрович, допустили ошибку...

— В смысле? — настораживается Рамазанов.

— Зря вы прямо сюда пришли — жулики вполне могли вас выследить... Надо было позвонить из города.... — Рамазанов огорченно разводит руками. — Нам ехать в кафе нельзя. — Тихонов кивает на Позднякова: — Могут узнать... Ну ладно, группу я сейчас организую...

Резкий, пронзительный звонок. Тихонов оторвал голову от подушки и, не открывая глаз, нажимает на кнопку будильника. Звонок однако же тотчас повторяется. Тихонов открывает заспанные глаза и только тогда соображает, что это звонит не будильник, а телефон.

— Да, — сказал он в трубку хриплым голосом.

— Тихонов? — спрашивает голос в трубке. — Дежурный по управлению Суханов. Сегодня ночью в пятнадцатой больнице покушение на убийство. Полковник почему-то приказал сообщить тебе...

— Что там случилось, говори?! — Тихонов вскочил на ноги.

— Говорю же тебе: покушение на убийство! — гудит голос в трубке.

— А кто потерпевший?

— Потерпевший какой-то Лыжин... Машину я тебе уже выслал, только ты ее долго не держи... Слышишь?

Тихонов уже ничего не слышит, он стремительно бросил трубку на рычаг...

Тихонов в своем кабинете разговаривает с дежурным следователем прокуратуры.

— Буквально минут через десять Лыжин пришел в себя, — рассказывает дежурный. — Я его коротенько допросил... Но он опять потерял сознание...

— И что? — нетерпеливо перебивает Тихонов.

— Он закончил дела часов в одиннадцать и направился домой. Но около метро вспомнил, что не взял какие-то нужные записи, вернулся. Открыл дверь, только хотел зажечь свет — и выстрел... Сторожиха видела, как через забор перепрыгнул мужчина — высокий, плотный...

— Что-нибудь из лаборатории пропало? Следы остались? — деловито спрашивает Тихонов.

— Да вроде ничего не пропало. А следы кое-какие есть...

Звонит телефон. Тихонов снимает трубку.

— Все понял. Есть, быть построже. Немедленно выезжаю, товарищ полковник! — говорит он, вставая.

Тихонов сидит за столом Лыжина и допрашивает Позднякову.

— А где ваш лабораторный журнал?

— Я не знаю, — отвечает она растерянно. — Был всегда в сейфе.

Тихонов кивнул и продолжает:

— Сколько должно, было остаться препарата?

Анна Петровна пожимает плечами:

— Я не занимаюсь учетом...

— Хорошо, давайте вместе посчитаем. Из записей Лыжина видно, что всего получили 90 с чем-то граммов. 38,4 грамма передано для биохимических

испытаний в виварии. Здесь, — Тихонов кивает на колбу с порошком, стоящую рядом, — 41,6 грамма... Итого: ровно восемьдесят. Куда же могли деться еще десять с лишним?

— Какую-то часть Владимир Константинович разложил в ходе эксперимента, его интересовала обратная динамика, — неуверенно говорит Анна Петровна.

— Допустим, — соглашается Тихонов. — Но ведь не весь же остаток?

— Я не знаю...

— Так, не знаете, — повторяет Тихонов. — Хорошо... У вас у самой был доступ к препарату?

— Нет, — отвечает она. — Весь полученный продукт Владимир Константинович держал в сейфе...

— Сколько ключей к этому сейфу? — спрашивает Тихонов.

— Один, — отвечает Позднякова, но, подумав, добавляет: — Я видела только один — у Лыжина.

— Значит, один... — сосредоточенно размышляет над ее словами Тихонов. И неожиданно спрашивает: — А кроме вас и Лыжина, в лаборатории никто не бывал?

— Никто... А почему вы снова спрашиваете? Я уже отвечала на этот вопрос...

— Да. Но я боюсь, что вы сказали неправду... — следовательно говорит теперь совсем другим тоном. — Скажите, вы встречаетесь с кем-нибудь? Есть у вас друг? Поклонник?

— А какое это имеет отношение?... — не желает отвечать Позднякова.

— Имеет! — резко говорит Тихонов. — Отвечайте!

— В таком тоне я вообще разговаривать отказываюсь! — возмущается Анна Петровна и встает. — Уже поздно. И я ухожу.

— Это вам только кажется, что вы уходите! — усмехается Тихонов. — Должен вас огорчить...

— Чем еще?..

— Я собираюсь ограничить... м-м... вашу свободу.

— Свободу? — растерянно переспрашивает Позднякова и опускается на стул.

— Именно так. Я вынужден вас задержать.

— За что? Что я сделала? В чем я виновата? — с искренним испугом спрашивает Позднякова.

— Вы сами это определите. Помните нашу последнюю беседу? — спрашивает Тихонов. — Вы тогда почти не желали отвечать на мои вопросы. А я просто не мог вам сказать, что первым испытителем метапропизола стал ваш муж Андрей Филиппович Поздняков. Ему преступники дали выпить этот препарат и при этом чуть не убили его. А вчера, есть все основания так предполагать, они же совершили попытку покончить с Лыжиным. Мы не обвиняем вас, Анна Петровна, в совершении этих преступлений. Но какое-то участие, мы в этом не сомневаемся, приняли в них и вы.

— Я?... Я?... Я?... — Позднякова в ужасе больше ничего не может выговорить.

— Отвечайте на мои вопросы, — говорит Тихонов. — Вы пускали своего друга в лабораторию?

— Да... То есть он сам... У него был ключ...

— Расскажите о нем подробнее.

— Его зовут Вячеслав... Викторович. Фамилия его Чебаков. Я больше о нем ничего не знаю...

— Зачем он приходил к вам в лабораторию?

— Он реставратор... Он говорил, что дома у него нет условий для производства нужных реактивов, И по вечерам... Я иногда оставалась...

— Зачем вы дали ему метапропизол?

— Я ему не давала... Он сам взял...

— То есть как?

— В тот день мы с Лыжиным впервые получили продукт... И я... Я тоже этим гордилась... А он вечером пришел.... И я не удержалась — похвасталась, показала ему колбу с препаратом... Он взял в руки колбу, посмотрел, расспросил меня... А потом отсыпал в пустую пробирку... Я с ним ругалась, кричала на него...

— А для чего он ему понадобился?

— Он сказал... если я с ним расстанусь, то он им отравится. Примет большую дозу — и уснет навсегда...

— Ну, на него это не похоже, — говорит Тихонов.

— А вы его знаете? — осторожно спрашивает Позднякова.

— Да вроде... — отвечает Тихонов и продолжает: — Скажите, к нему в лабораторию никто не приходил?

— Приходил... То есть иногда приходили какие-то два друга... Иногда звонили по телефону...

— Все ясно. Никакой он не реставратор этот ваш Чебаков, а жулик и бандит! — говорит, вставая, Тихонов, — И если бы вы рассказали мне все это раньше, профессору Лыжину ничего бы не угрожало и второго преступления тоже могло бы не быть. А сейчас, пока я не арестую этого «реставратора», вас вынужден задержать.

В лабораторию входит сотрудник милиции.

— Значит, два с половиной часа ждали — и никого? — говорит Тихонов.

— Эх, башка моя дурацкая недоварила! — горестно отзывается Рамазанов. — Если они меня в Лыткине ухитрились найти, то уж тут-то наверняка догадались приглядеть, куда это я направился. Ладно! Чем я могу еще быть полезен?

— Значит, вы никого из этих шантажистов не знаете?

— Первый раз в жизни увидел...

— Ну, давайте станем на их место. Давайте прикинем их расклад. Тогда мы сможем устроить им встречу. В следующий раз.

— Ага! — Рамазанов кивает. — Понял... Так... Если не секрет, подскажите мне, пожалуйста, кого из нашей братии они уже обчистили? Кроме меня, я имею в виду.

— Не секрет, — отвечает Тихонов. — Кроме вас они сделали самочинный обыск у Обоймова...

— Как?! — удивился Рамазанов. — Ведь Раиса сразу же предупредила его жену!..

— Они обыскали его любовницу Екатерину Пачкалину, — уточняет

Тихонов. — И прилично попользовались, между прочим.

— Ясно... Это кто-то близкий наводит, внутренний человек наш...

— Потом ограбили Понтягу.

— Понтягу? Странно...

— А почему вас это удивляет?

— Да нет! — Рамазанов даже рассмеялся. — Я уже сообразил. Была у нас с ним история, давным-давно... Дал я ему в магазин как-то партию «левую». А он перепугался и весь наш трикотаж оприходовал — не стал его «налево» гнать... Ну и, как говорится, черт с ним!.. Только пополз после этого, не знаю уж от кого из наших, слушок, что я через этого Понтягу бо-ольшой товар сбываю тайно от компаньонов...

— Ну, хорошо, — говорит Тихонов, — давайте подумаем теперь, кто еще из вашей команды, так сказать, «богатый»... Андрей Филиппович, покажите ему схему.

Поздняков подводит Рамазанова к висящей на стене большой схеме. Здесь на обширном ватмане изображена деятельность жуликов, орудовавших в объединении «Рыболов-спортсмен». Квадратиками обозначены производственные цеха, кружочками — магазины, где реализовалась ворованная продукция, а голубые и красные стрелки символизируют связи между сообщниками. Сами же преступники представлены здесь криминалистическими, тюремными фотографиями — фас и профиль. Все они, как положено, с бритыми головами, и лишь один — сам Рамазанов — изображен с кудрями...

Взглянув на схему, бывший «беглец» ухмыльнулся.

Тихонов указал ему на одного из сообщников.

— Белов?.. Нет, — говорит Рамазанов. — С ним номер не пройдет... Хазанов, кладовщик... Экспедиторы — Еськин, Танцюра... Тут пустяки... Только что на шашлычную получали... Шофера — отпадают... Вот если магазинчики... Семенов на обыске погорел. Все сгребли до копеечки... А кто тут еще?.. Ага, Диденко?.. Большого ума человек — Диденко... — Рамазанов повернулся к Тихонову: — На месте этих деятелей я бы теперь к нему направился...

Раздался телефонный звонок. Тихонов снимает трубку.

— Слушаю. Да-да! Явился домой? Очень хорошо. Еду немедленно. А вы не спускайте с квартиры глаз! — кому-то приказывает он и снова обращается к Рамазанову: — Благодарю вас, Григорий Петрович. Можете пока отдыхать. — Тихонов нажимает кнопку звонка. В кабинет заходит дежурный. — Уведите арестованного! — приказывает Тихонов.

— Будьте осторожнее. Эти шакалы на все способны, — предупреждает Рамазанов.

— Не беспокойтесь, — отвечает Тихонов и начинает одеваться.

— Я с вами? — спрашивает его Поздняков.

— Нет. Отправляйся к бывшему завмагу Диденко. Знаешь, где его квартира?

— Еще бы! — отвечает Поздняков.

— Так вот, осмотришь там. Поговори с людьми. И будь готов. Слышал, похоже очередной «разгон» там будет.

— Все понял, — отвечает Поздняков, поправляя на поясе кобуру.

— А я должен немедленно задержать Чебакова, — уже в дверях говорит Тихонов. — Только что сообщили: объявился.

Из-за дверей чебаковской квартиры громко доносится голос итальянского джазового певца Челлентано. Тихонов позвонил.

— Ну где тебя черти носят? Так и на поезд опоздать недолго!.. — И Борис Чебаков в красивом халате распахивает дверь. — А-а!.. — начал он в изумлении.

— Здравствуйте, Чебаков! — говорит Тихонов — в руке его пистолет. — Поездка отменяется. Руки вверх, вы арестованы! — Чебаков медленно поднимает руки. — Кругом! — командует Тихонов и быстро ощупывает карманы халата. — Идите в комнату...

В комнате царит беспорядок — стоит раскрытый кожаный чемодан, валяются дорогие вещи — блейзер, замшевый пиджак, несессер, транзистор, стереофонический магнитофон, из его динамиков разносится голос Челлентано.

— Надевайте штаны, туфли, собирайтесь! — бросает Тихонов.

— Руки можно опустить? — спрашивает Чебаков.

— Можно. Брючный ремень не надевайте и шнурки из туфель выньте...

— Может быть, вы выйдете, пока я буду брюки надевать? — предлагает Чебаков. — Или мне тут при вас заголяться?

— Чебаков, от вас ли я это слышу? Откуда такая застенчивость? Давайте-давайте без фокусов!.. — смеется Тихонов.

Задержанный садится на тахту, снимает халат, натягивает рубашку, потом брюки. Нагибается, вытягивает из-под тахты туфли с носками и как бы случайно пододвигает поближе гантель.

Тихонов постукивает рукоятку пистолета по столу:

— Чебаков, гантелями сейчас заниматься некогда, вы их лучше не трогайте... При вашей специальности пара крупных дырок на этом замечательном торсе может испортить карьеру. И вообще, я вас предупреждаю: не вздумайте устраивать со мною спортивных состязаний по бегу, по метанию или по борьбе. Я вас просто застрелю. Поняли?

— Понял. У меня к вам вопрос.

— Пожалуйста, — разрешает Тихонов.

— На каком основании вы меня арестовали? В чем меня обвиняют?

— В том, что вы создали и возглавили мошенническую шайку. Первой вашей жертвой стал Поздняков, который сильно мешал вам своей служебной назойливостью... Я правильно излагаю?

— Чушь, конечно, — говорит Чебаков, — но интересно. А дальше?

— Метапропизол вы получили у жены Позднякова, а чтобы замести следы, вчера вечером забрались в лабораторию — выкрасть лабораторный журнал. А когда Лыжин случайно вернулся туда, вы в него выстрелили...

— Это еще доказать надо, — мрачно говорит Чебаков.

В коридоре слышен топот — прибыл наряд из отделения милиции, а с ним Чигаренков — начальник Позднякова.

— Не глумитесь, Чебаков, — говорит Тихонов. — Неужели вы не понимаете, что, разгадав ваши комбинации, я соберу все доказательства до крупинки?..

— Тогда к чему все эти беседы? — Чебаков сжимает кулаки. — Победой

хотите насладиться?

— Ну что вы! Я человек практичный, и беседы эти вот к чему: завтра или уже сегодня ваши компаньоны пойдут очищать квартиру Диденко... Один вопрос попутно: пистолет Позднякова здесь?

— Фу-у, инспектор! — обиженно говорит Чебаков. — Неужели я похож на человека, который держит дома оружие?

— Вот-вот, и я думаю, что пистолет у ваших дружков. А у Диденко их будет ждать засада. При задержании может возникнуть перестрелка. Я бы этого не хотел...

— Мне-то какое дело? — хмыкает Чебаков.

— А такое, что если кого-то из моих товарищей ранят или убьют, то вам как организатору банды грозит... Знаете, что вам грозит?

— А почему мне? — беспомощно спрашивает Чебаков. — Почему вы решили, что я организатор?..

— Я все-таки больше надеялся на вашу сообразительность, — говорит Тихонов. — Если вы упустите время и произойдет то, о чем я говорю, нам уже не надо будет спорить...

Чебаков закуривает сигарету — руки его трясутся. Сделав несколько лихорадочных затяжек, он говорит, морщась от дыма:

— Глупо все получилось... Не думал я, что вы такой въедливый. Вам-то что? Я ведь у жуликов отнимал...

— Ну ладно! — прикрикнул Тихонов. — Тоже мне Робин Гуд нашелся. Я вас спрашиваю: когда банда пойдет к Диденко? Завтра? Послезавтра?

Чебаков швыряет в пепельницу недокуренную сигарету, скрипит зубами, неожиданно ухмыляется:

— За-а-автра! Они уже с е й ч а с там... Полчаса назад туда поехали!..

Машина мчится по вечернему городу. Тихонов — на заднем сиденье, впереди — Чигаренков, он разговаривает по радио:

— Да-да! Новая, дом пять... Квартира двадцать три... Хорошо... Есть!.. — и поворачивается к Тихонову: — Они уже выслали машину, и из восемнадцатого отделения тоже. Но мы все равно раньше будем...

В ушах у Тихонова все еще звучит хрипловатый голос Челлентано... И вдруг ему ясно представился Поздняков таким, как он лежал под кустом у стадиона — беспомощный, руки раскинуты по сторонам.

— Ах, Андрей Филиппович, Андрей Филиппович!.. — негромко произносит Тихонов.

— Ты чего? — опять оборачивается Чигаренков.

— Неужели суждено ему погибнуть от пули из собственного пистолета?

— Успеем! — уверенно говорит Чигаренков и поворачивается к шоферу: — Нажми, нажми, он там один!..

Машина влетает в неширокую улицу, промчавшись метров сто, резко тормозит — дорога перекопана газовой траншеей. За канавой виднеется пустырь, а за ним высится дом, где живет Диденко.

— Посветите мне, — командует Тихонов Чигаренкову. — Я перепрыгну, а вы в

объезд давайте...

Водитель включил дальний свет. Тихонов разбегается и перепрыгивает через черноту канавы...

В свете автомобильных фар видно, как из подъезда появляются двое — они несут чемодан, портфель и два узла.

— Стой! — раздается громкий голос Позднякова, он как будто из-под земли появился.

Один из бандитов бросил портфель и сунул руку за пазуху... Но участковый резко бьет его по руке.

Второй бандит побежал со своей ношей, но Поздняков догнал его, сбил с ног и тут же повернулся ко второму...

— Держись, Андрей Филиппович, держись! — кричит Тихонов на бегу.

Бандит сделал обманное движение и ударил участкового по голове... Поздняков удержался, не упал, широким замахом отшвырнул противника...

— Пистолет! Пистолет у них! — кричит Тихонов, подбегая.

— Побаловались и хватит! — отзывается Поздняков. — Вон он! — И он указывает на своего «Макарова», который отлетел под фонарный столб.

Тихонов скручивает одному из бандитов руки...

Подлетела «Волга», из нее выскочили Чигаренков с шофером.

Поздняков за шиворот поднимает с земли другого «разгонщика» и говорит:

— Кваску хочешь? А то поднесу!..

Подъехал милицейский автобус, оперативка из 18 отделения. На пустыре стало светло и шумно, из окон высовываются жильцы, милиционеры рассаживают задержанных по машинам, эксперт перевязывает Позднякову голову...

Арестованных допрашивают одновременно в трех кабинетах, и между ними носится Поздняков — возбужденный, радостный, в белой, из бинтов, чалме, поминутно теребя кобуру со своим вновь обретенным «Макаровым»...

— Мой брат Степан Танцюра работал экспедитором в артели «Рыболов-спортсмен», — говорит высокий черный «разгонщик». — Он знал все их махинации и рассказал о них Чебакову. Вот Вяч и придумал шарашить семьи осужденных...

— Вяч мне издали показал участкового, и я предложил ему лишний билет, — рассказывает другой жулик — коренастый блондин. — Когда я вышел в перерыве, меня под трибуной уже ждал Вяч. Он и дал мне бутылку с отравой... Еще предупредил: «Смотри не перепутай». Ну, потом мы с Колькой Танцюрой дотащили его под руки до газона и бросили под кустами. Мне показалось, что он уже умер...

— За Поздняковой я начал охотиться, как только узнал, что они работают над этой штукой. Уж очень хотелось что-нибудь такое заполучить, чтобы наверняка с ног сшибало, — дает показания Шарапову Чебаков. — Ухаживал я за ней, естественно, красиво: цветы, приглашения в театры, в картинные галереи. Чего еще надо? Вот и клюнула. А о делах наших она понятия не имела. Да и мы не дураки, чтобы все наши махинации ей выкладывать...

— Пожалуй, все, — вставая из-за стола, говорит Шарапов. — Уведите

арестованного.